

Юнусова А.Б.

ИШАНИЗМ НА УРАЛЕ: ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ИСЛАМА

Аннотация: в статье тезисно рассматривается проблема возрождения интеллектуального ислама в современной России, соотношение понятий «ишанизм» и «суфизм», соответствие традиционной практики ишанов вызовам времени.

Ключевые слова: ишанизм, суфизм, шейх, культовая практика, интеллектуальный ислам.

Ишаны Урала были признанными религиозными и общественными лидерами, зачастую – главами авторитетных родов. Словом «ишан» обозначали главу суфийского братства, шейха и учителя, совершающего посвящение своих последователей. Ишан часто представлял в качестве знахаря, ясновидящего, прорицателя. Реже – хранителя могилы святого, что, наоборот, часто встречается в Центральной Азии. Разброс толкований понятия «ишан» от хранителя традиций того или иного тариката до шамана, от уважаемого учителя до странствующего дервиша затрудняет определение самого ишанизма. Часто «ишанизм» и «суфизм» выступают как слова-синонимы. Очевидно, что ишанизм у башкир стал воплощением синтеза доктринального ислама с родо-племенными социокультурными реалиями башкирского общества, в котором «народный» и «официальный» ислам не были четко разделены, а башкирские суфии – ишаны – были одновременно и «указными» муллами.

Первым известным суфием на территории Башкирии был Хусаин-бек – один из учеников суфийского шейха Ходжа-Ахмеда Ясави, жившего в XII в. на территории современного Казахстана. Посланный своим наставником на север к башкирам и ногаям, Хусаин-бек обратил в ислам множество язычников. Хусаин-бек, как свидетельствует легенда, «стал главным имамом во всей Башкирии». После смерти могила Хусаин-бека стала местом поклонения мусульман. На надгробии имеется полустертая арабская надпись, позволяющая датировать его 1339 годом (739 г. х.). На том же кладбище имеются отдельные из-

вестняковые надгробия с рельефными надписями, выполненными арабскими буквами, на большинстве надгробий также высечены тамги – башкирские родовые знаки. С 2004 г. здесь проводятся ежегодные всебашкирские мусульманские йыйыны (сходы), которые организует председатель ЦДУМ Талгат Таджуддин¹.

Рис. 1. Кэшэн Хусаин-бека на кладбище Акзират. Чишминский р-н Республики Башкортостан. Фото А.Б.Юнусовой, 1998 г.

Одним из известнейших ишанов, оказавшим влияние на сотни мулл Поволжья, Урала и Сибири, был шейх Зайнулла Расулев (Хабибуллин, 1833–1917), член ордена Накшбандия, основатель медресе «Расулия» в Троицке. Расулев оказал большое влияние на духовное формирование крупного востоковеда и организатора башкирской автономии Заки Валидова. Учителем Валидова был его родной дядя с материнской стороны Хабибназар Сатлык, содержащий медресе в деревне Утяк, а он – пишет в своих «Воспоминаниях» Заки Валидов – ... в суфизме следовал

¹ Юнусова А.Б., Азаматов Д.Д. 225 лет ЦДУМ. Уфа, 2013. С. 33.

самому выдающемуся шейху того времени, представителю тунгатарского рода башкир Зайнулле-ишану ...

Рис. 2. Зайнулла Расулев

Рис. 3. Габдрахман Расулев

Сын Зайнуллы Расулева в 1936 г. стал председателем ЦДУМ Внутренней России и Сибири. Продолжал негласно суфийскую практику, имел множество последователей. В 1949 г. уполномоченный Совета по делам религий по БАССР Каримов с досадой писал в отчете в Москву, что Расулев совершает обряды посвящения, через который прошло более 900 человек.

Другим крупным ишанским родом были аргаяшские башкиры Курбангалиевы, чей род ведется от Арка-батыра – героя башкирского восстания 1705–1711 гг. Внук Арка-батыра Хамит Бурсыкаев стал первым указным муллой д. Исмагиловой Челябинского уезда. По имени его сына Курмангали потомки, расселившиеся вокруг оз. Аргаяш, стали называться Курбангалиевыми. Габдул-Хаким Курбангалиев (Абдулхаким) и его братья Синигатулла, Габдул-Халим, Гусаметдин, Шарафетдин возглавляли мусульманские приходы деревень Айбатовой, Усмановой,

Медьяк, Имангуловой и Мухаметкулеуевой Мухаметкулеуевской волости. Они были не только известными муллами, но и крупными землевладельцами.

Рис. 4. Курбангалиевы

Последователи Зайнуллы Расулева и Курбангалиевых представляли собой два течения в башкирском ишанизме, отражающие обострившееся в пореформенной России социальное и политическое расслоение в обществе. В мусульманской среде оно вылилось в идейное противостояние между джадидизмом и кадимизмом, которое продолжалось до середины 30-х гг. XX в. Расхождения между Зайнуллой-ишаном и Абдул-Хакимом Курбангалиевым переросло в политическое противостояние последователей обоих ишанов – двух будущих лидеров башкирского национального движения – Заки Валидова и Мухамед-Габдулхая Курбангалиева. Став во главе башкирского правительства, Заки Валиди приказал разыскать и арестовать всех Курбангалиевых, конфисковать их имущество. В ноябре 1919 г. органам милиции уже советской Башкирии удалось арестовать главу семейства Габидуллу и младшего сына Абдуль-Аваля. 7

декабря отец и брат Курбангалиева были расстреляны во дворе стерлитамакской тюрьмы¹. Мухамед-Габдулхай, и его брат Арун, ничего не ведавшие о судьбе отца и младшего брата, отступали с армией Колчака. С ними и другими башкирскими белыми офицерами ушло несколько тысяч башкир, многие из которых так и не вернулись в родные края. В 1923 г. Курбангалиев переехал в Токио, где прожил следующие 15 лет и стал самым активным участником объединения российских эмигрантов – мусульман, в основном выходцев из Урало-Поволжья, построил медресе, типографию, издавал журнал «Япон мухбири». В 1928 г. в Токио состоялся съезд мусульман, проживавших в Японии. На этом съезде мусульманские общины, существовавшие в городах Токио, Кобе и Нагоя, объединились в «Союз магометан, проживающих в Японии». Президентом этого союза был избран Мухамед-Габдулхай Курбангалиев. Десять следующих лет он был в Японии мусульманином номер один, а для многих японских, китайских и корейских последователей ислама – «Великим имамом Дальнего Востока». В 1938 году ему предстояло торжественно открыть построенную по его инициативе мечеть в Токио. Однако за несколько дней до ее открытия он был задержан японской полицией и выдворен в Дайрен, где проживал в одном доме с атаманом Семеновым вплоть до ареста советской военной разведкой в августе 1945 г., до 1956 г. находился во Владимирской тюрьме, затем жил и продолжал духовную деятельность в Челябинске, где скончался в 1972 г.

Обновление духовной жизни российской уммы, мусульманская реформация в конце XIX в. как результат длительного периода формирования исламской духовности, совершенствования традиций просветительства, завоевания мусульманами равных гражданских прав – все это было пресечено событиями 1917–1937 гг. Российские мусульмане, едва получив долгожданные равноправие и свободу веры, были отброшены в своем развитии на несколько веков назад, к эпохе «разрешительного» ислама. Остались незавершенными дискуссии вокруг модернизации ислама, места ислама в буржуазно-национальном политическом движении. Достижения в области мусульманской фило-

софии, права, общественно-политической жизни так и не были доведены до основной массы верующих, пребывавшей в состоянии привычной, бессознательной религиозности. В 20–30-е гг. сторонники Расулева и Курбангалиевых вновь составят оппозицию друг другу. Ученики и последователи Курбангалиевых войдут в состав Башкирского духовного управления мусульман, которое будет яростно бороться против Центрального мусульманского управления, возглавляемого богословами джадидистского направления, получившими образование либо у Расулева, либо у его преемников.

Ишаны и их последователи были высокообразованными, целеустремленными личностями, настоящими духовными наставниками, верными идеалам и традициям суфизма. Несмотря на различное отношение к вопросам модернизации мусульманского образования и политические разногласия, главное свое предназначение ишаны видели в просвещении мусульман. В XVIII – нач. XX вв. ишаны стояли у основания многих центров религиозного образования на Южном Урале и по праву считались носителями интеллектуального ислама. Созданные ими медресе стали крупными мусульманскими школами и были широко известны за пределами региона. Медресе ишанов Нигматуллы Биктемирова (Стерлибаш), Абдул-Хакима Курбангалиева (Медьяк), Хабибназара Сатлыка (Утяк), Зайнуллы Расулева (Троицк) и другие были точками притяжения мусульман Центральной Азии, Урала, Поволжья, которые стремились получить образование у почитаемых наставников.

В 90-е годы у мусульманского населения страны возникла острая потребность в идеолого-теоретической самоидентификации в рамках ислама. Она рождалась в условиях свободы совести и, вместе с тем, интенсивного воздействия зарубежных – турецких, египетских, саудовских, пакистанских и др. – мусульманских «наставников», противостояния мусульманских лидеров внутри российской уммы. Духовные поиски нередко приводили к абсолютизации радикальных течений в исламе, таких как ваххабизм, фундаментализм, противоречащих умеренному исламу. Случалось, что верующие мусульмане в силу неинформированности или недопонимания оказываются вовлеченными в братства, использующие исламскую риторику, такие как бахаи,

¹ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. С. 115.

ахмадийя. Зачастую верующие оказывались лицом к лицу с малообразованными имамами, которые провозглашали себя «новыми» ишанами, практикуя обычное суеверие. Не имея представления о сущности того или иного тариката, они объявляли себя «посвященными» и «посвящают» других, во что – не ведомо им самим. Также мы видим спровоцированные личными амбициями разногласия между религиозными деятелями, которые стремятся к богословскому обоснованию своих претензий, используя при этом суфийскую терминологию в полном соответствии с изречением «Некоторые говорят, что призывают к Аллаху, а на деле призывают к себе». Одни при этом ориентируются на привлечение внимания верующих, другие – властей.

В настоящее время, несмотря на 25-летние попытки возрождения мусульманского образования и суфийской традиции интеллектуального ислама, современные духовные просветители и мусульманские медресе не смогли достичь былого уровня знаний, привлекательности и ореола святости, которые были важнейшими факторами формирования культа ишанов. Интеллектуальный багаж, духовно-нравственные качества, социальный статус и гражданская позиция современного имама диссонируют с потребностями современного мусульманина, особенно мусульманской молодежи, о чем свидетельствуют приводимые здесь данные нашего исследования корпуса имамов Урало-Поволжья. Нами проведено исследование корпуса имамов Урало-Поволжья (более 600 человек), более половины из которых самоучки, закончили курсы при мечетях или заочно обучались в медресе. Согласно анкетированию, они осознают, что не имеют достаточных знаний (общих и религиозных) и нуждаются в получении дополнительного образования. Корпус имамов на 67% состоит из далеко не молодых людей в возрасте старше 50 лет¹.

¹ Юнусова А.Б. Имамы – слабое звено российского ислама // Экономика и управление. 2016. 5.

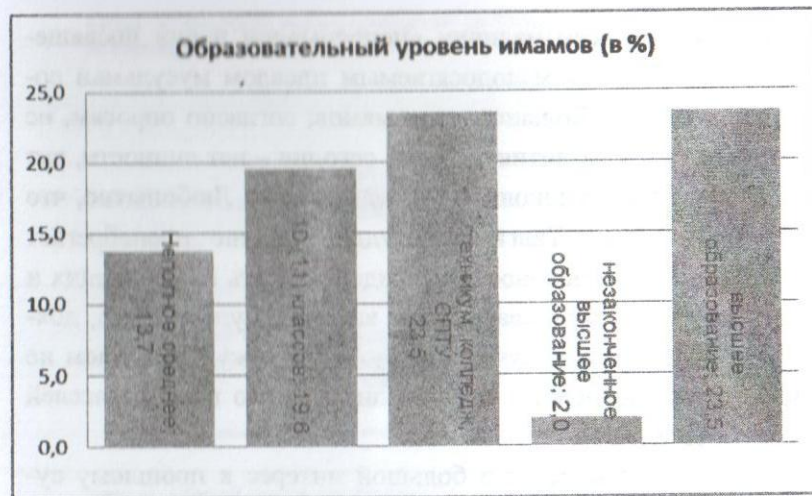

Рис. 5. Светское образование имамов (по данным анкетирования имамов Приволжского федерального округа. 2015–2016 гг.)

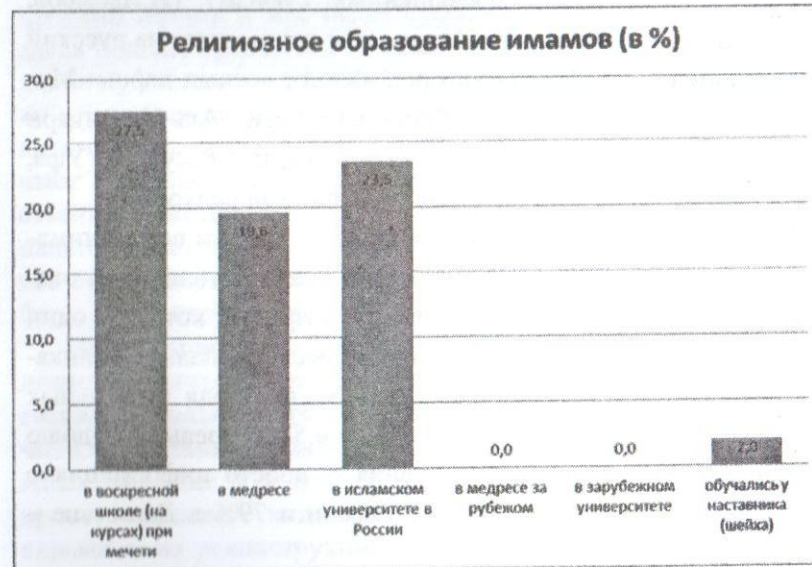

Рис. 6. Религиозное образование имамов (по данным анкетирования имамов Приволжского федерального округа. 2015–2016 гг.)

Суфизм, при всем наличии «непрерывной цепи» посвящений, все же остается малодостигаемым идеалом мусульман современной России. Большинство имамов, согласно опросам, не видит перспектив развития суфизма сегодня – нет личности, нет идеи, стало быть нет школы и последователей. Любопытно, что Верховный муфтий Талгат Таджуддин упорно пренебрегает своими личными способностями воздействовать на верующих и не пытается сформулировать свою, какую-нибудь особую, доктрину. И хотя сам он обучался в Бухаре, Таджуддин ничем не выражает свое возможное посвящение в число последователей шейха Накшбанда.

Отмечается повсеместно большой интерес к прошлому суфизма, как со стороны мусульман, так и со стороны научной интеллигенции. В Башкирии, например, в 90-е годы защищено несколько диссертаций, посвященных суфизму (И.Насыров, А.Янгузин и др.), Ильшатом Насыровым переведены на русский язык сочинения суфийских авторов «Книга вечных даров» Мухаммад Амина (Уфа, 2000), «Книга мудрости» Аль-Искандари (Уфа, 2000), «Божественные истины» Зайнуллы Расулева (Уфа, 2000), которые сразу стали библиографической редкостью.

Однако в обыденном сознании россиян суфизм воспринимается неоднозначно. Медиаметрический анализ публикаций оказывает широкий разброс в толковании суфизма, который одни считают панацеей от всех бед, другие ересь. Анализ публикаций в России и в Дагестане показывает, что доля негативных сообщений в контексте «суфизм» почти в 5 раз превышает долю позитивных (нейтральные сообщения = просто информация о событии). Большинство – 76% по России и 79% в Дагестане – сообщений даны в интернете.

Медиаметрический анализ сообщений по России в контексте суфизм за период с 27 июля 2015 по 27 июля 2016 года (всего 320 сообщений)

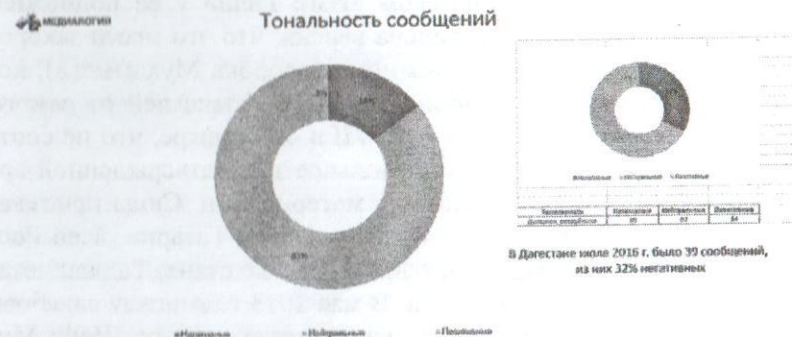

Рис. 6. Тональность сообщений СМИ в контексте «суфизм»

Авторами сообщений выступают даже не профессиональные журналисты, а случайные лица, никогда не занимавшиеся вопросами ислама и тем более суфизма. Хотя и от журналистов здесь больше вреда, чем пользы. Чего стоят только одни заголовки публикаций в СМИ: «Все упирается в религию», «Двуликий Янус с тремя глазами», «Кавказская весна разгулялась к политическому сезону», «Конфликты суфиев и салафитов разогревают активность духовенства на Северном Кавказе», «Государственное противодействие экстремизму ересь: Общественная палата займется популяризацией суфизма», «Борьба за молчаливое большинство: тарикат Хакканийя против Салафийя», «Суфизм как инструмент власти против мусульман» и т.д.

Настойчиво проводится мысль о том, что суфизм – всего лишь мистический ислам. Такая идея прочно закрепилась в сознании большинства мусульман, которые готовы ограничить понимание суфизма, как и ислама в целом, обрядами. Апеллирующие к суфизму имамы, мусульманские лидеры и просто верующие видят только прошлое, концентрируя свое внимание на реконструкции суфийской традиции, в обрядности, в практике поклонения могилам почитаемых ишанов, в лучшем случае – в воспроизводстве суфийской литературы. Поклонение святым местам стало обязательным атрибутом «воз-

рождения суфизма». В первом десятилетии XXI в. самым оживленным местом поклонения в Башкирии стала гора Нарыс-Тау в Миякинском районе с родником «Изге Гали» у ее подножия. Среди мусульман распространена версия, что это место захоронения «двух сахабов» (сподвижников пророка Мухаммеда), которые якобы прибыли с проповеднической миссией от самого пророка Мухаммеда в 30-х годах VII в. по хиджре, что не соответствует исторической действительности, подтвержденной археологическими и фольклорными материалами. Сюда приезжают мусульмане – паломники из Башкирии и Татарии, всей России, а также из соседних государств – Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и других стран. В мае 2013 г. «могилу сахабов» посетил турецкий проповедник из Северного Кипра Шейх Мухаммад Назим Адиль аль-Кубруси аль-Хаккани, который внес свою лепту в поддержание имиджа Нарыс-Тау как мусульманской святыни. В 2015 году Шейх провел «духовные беседы» (сохбаты) в нескольких районах Башкирии, разрезамированные отдельными СМИ, сайтами, духовными лицами.

Архаизм не должен подменять собой суфизм, который был и остается интеллектуальным стержнем ислама. Те, кто сегодня радеет за возрождение суфизма, закрывают глаза на то, что суфийская доктрина и практика были ответом на реальные события своего времени. Сегодня стоит задача ответить на вызовы современности. Ответом может быть новое слово не только посвященного, но и просвещенного суфия, который, конечно же, опирается на традицию и мощный интеллектуальный багаж прошлого.

© Юнусова А.Б.

ИСЛАМ И ПРАВОСЛАВНИЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Более тысячи лет назад началось распространение ислама и христианства в пределах современной России. С середины XVI в. Урало-Поволжье стало частью поликультурной, поликонфессиональной страны, где две мировые религии составили особое – единое – духовное пространство.

«Южный Урал» в географическом смысле, а также в историческом и этнокультурном плане охватывает всю совокупность историко-культурного развития таких регионов, как Челябинская область, Республика Башкортостан, а также Оренбуржье и зауральские районы Курганской области. Все вместе они представляют собой Южноуральскую этноконтактную зону северной периферии Евразии. Здесь сформировался особый этнокультурный ландшафт, отличающийся длительным во времени и в географическом пространстве межцивилизационным взаимодействием.

Контактность как специфика Южного Урала особенно ярко проявляется в его этническом и конфессиональном многообразии. Это один из самых сложных – мозаичных – в этноконфессиональном отношении регионов многонациональной России. Этнографы отмечают неоднородность и неравномерное распределение этнического состава населения южноуральского края, обусловленные тем, что примыкающие к южным отрогам Уральских гор степи с древнейших времен служили своего рода трансквицизационным коридором. По нему осуществлялось «великое переселение народов», шли бесконечные миграционные процессы, осуществлялись контакты. Все это обусловило не только тесное сосуществование культур, но и особенности развития этнокультурных традиций народов региона, в том числе – религиозных.

Южный Урал – территория исламо-христианского духовного пространства. В настоящее время, как и в XIX в., в составе